

- «Студент и научно-технический прогресс»: Филология. — Новосибирск, 2000. — С. 4–6.
8. Иванова Е. А. Русская лексика как источник пополнения французского словаря ... — С. 12.
 9. Карпов В. Г. Классификация заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы. Материалы и сообщения. — Абакан, 1955. — С. 44–54; Он же. Русский язык как один из источников обогащения хакасского языка // 250 лет вместе с великим русским народом. — Абакан, 1959. — С. 229–240.
 10. Патачакова Д. Ф. Освоение и орфографирование заимствованных слов // Вопросы хакасского языка и литературы: материалы и сообщения. — Абакан, 1955. — С. 65–87; Патачакова Д. Ф. Развитие лексики хакасского языка в советское время // Торжество ленинской национальной политики. Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. — Абакан, 1973. — С. 264–270.
 11. Сibaгaтoвa P. Ю. Развитие лексики башкирского литературного языка в 1920–1930 годы. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2011. — 24 с.
 12. Татаринцев Б. И. Влияние лексики русского и монгольского языков на развитие лексической системы современного тувинского литературного языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 1968. — 26 с.

ЯЗЫКОВЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОЙ СИБИРИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И МОДЕРНИЗАЦИИ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ

Селютин И. Я.

УДК 811.512.15

Итоги инструментального изучения фонетики тюркских языков Сибири свидетельствуют о функционировании в алтае-саянских языках консонантных систем, структурируемых оппозицией по длительности, сложившейся вследствие преломления субстратным угро-самодийским населением артикуляционно-акустической базы суперстрата. Это указывает на наличие древнетюркских компонентов со свойственной им артикуляционно-акустической базе тройной оппозицией сильных/слабых/сверхслабых консонантов. Вместе с тем позиционное удлинение широких гласных перед узкими, характерное для сибирского региона, преобладание в вокалических системах центральнозаднерядных настроек свидетельствуют об участии в этногенезе — наряду с угро-самодийскими и древнетюркскими — кыпчакско-тюркских компонентов, указывающая на сложное смешанное происхождение алтае-саянских народностей.

Ключевые слова: тюркские языки Сибири, фонологические системы, языковые взаимодействия, артикуляционно-акустическая база этноса.

Инструментальные исследования фонетики языков народов Сибири и сопредельных регионов направлены на разработку проблем типологии фонологических систем, а также на выявление этнокультурных, в частности, языковых взаимодействий.

Поскольку фонетика в силу определенной автономности её в системе языка является относительно консервативной его составляющей, то результаты, полученные по языкам,

находящимся в зоне пересечения ряда культур — тюркских и нетюркских, — являются ценным историко-лингвистическим источником для реконструкции ареальных контактов¹. Большая роль в этих построениях отводится субстратному воздействию.

Результаты экспериментально-фонетических исследований свидетельствуют о том, что консонантные системы в южно-сибирских тюркских и в угро-самодийских

языках, являясь типологически сходными, структурируются различными сочетаниями релевантных признаков, определяющих фонологическую общность групп языков и специфику каждого из них².

Консонантные фонологические системы, структурированные по степени напряженности, представлены в Сибири двумя подтипами: а) бинарные оппозиции слабых и сверхслабых согласных (энецкий, ненецкий, нганасанский, селькупский, хантыйский); б) системы с тройным противопоставлением по напряженности: сильные, слабые, сверхслабые (тувинский, тофский, шорский, язык барабинских татар). В шорском языке эта оппозиция связана с типом работы гортани и языка: инъективные/статичные/эйективные; при произнесении эйективных согласных возникает эффект фарингализации. В языке барабинских татар выявленное для шорского языка противопоставление по инъективности/эйективности реализуется в виде фонологической оппозиции по фарингализованности/нефарингализованности. При этом фарингализованность в языке барабинцев — определяющий фонологический признак, а степень напряженности — сопутствующий. Включение в сопоставление языков байкало-саянского региона — тувинского и тофского — показывает другой фонологический статус этих признаков. В тувинском степень напряженности согласных является базовым фонологическим признаком, фарингализация же — сопутствующим.

На территории Сибири функционируют также системы, структурируемые оппозицией по количественным параметрам реализаций фонем: краткие/долгие/долготонеопределенные. Они сформировались в результате адаптации артикуляционно-акустических баз угро-самодийских этносов алтае-саянского региона к фонологической системе тюркского языка-суперстрата, построенной на трихотомическом противопоставлении сильных/слабых/сверхслабых артикуляций. Количественно ориентированные системы согласных выявлены в языках

и диалектах Алтая — алтай-кижи, теленгитском, бачатско-телеутском, кумандинском, чалканском, тубинском, а также в сагайском диалекте хакасского языка.

Принципиальные расхождения в преломлении древнетюркской фонологической системы можно объяснить более сильной кыпчакизацией алтае-саянской группы языков и более сильной монголизацией тувинского — байкало-саянского языка, особенно если учесть, что некоторые группы монголов — тюрки по происхождению и их консонантные системы строятся на оппозиции по степени напряженности³.

Системы, для которых базовым признаком является характеристика единиц по звонкости/глухости, характерны для языков севера Сибири — тюркских (якутский, долганский) и тунгусо-маньчжурских. В южносибирском регионе аналогичные модели формируются в языке калмаков и в сагайском диалекте хакасского языка как результат трансформации системы, организованной по параметрам напряженности (в сагайском — через промежуточную стадию количественно структурированной системы).

Расширение сопоставления за счет привлечения других языков Сибири и сопредельных регионов дает возможность прогнозировать установление общей исходной модели, структурирующей языковые системы ряда языков Сибири, модернизация которой реализовалась в различном распределении доминантных параметров. Эта модель может использоваться как объяснительная для ряда языков тюркских, монгольских, самодийских и угорских. Распространение фонетических признаков (определенных звуковых типов, принципов структурной организации) не совпадает с границами расселения современных этнических групп, что говорит о значительной роли субстратного воздействия на системы современных сибирских языков⁴.

Типологические интерпретации консонантных систем строятся, как правило, с учетом центральных, доминантных характеристик единиц, периферийные же фрагменты

систем остаются за пределами обобщения. Вместе с тем именно внешние признаки, являясь остаточными, осколочными элементами предшествующих ступеней развития или прообразом будущего состояния, могут быть надежными показателями языковой ретроспективы или же, напротив, сигнализировать о начавшихся преобразованиях.

Ниже приводятся некоторые факты, не укладывающиеся в обобщенные схемы фонологических систем.

На материале сут-хольского говора центрального диалекта тувинского языка С. В. Кечил-оол (Монгуш) выявлены рефлексы четверичной оппозиции согласных по степени мускульной напряженности⁵: исследование класса шумных смычных согласных говора дало основание для констатации фонологического противопоставления сверхсильных/сильных/слабых единиц.

Таким образом, в предложенную выше типологическую классификацию согласных можно внести новый подтип: к системам согласных, структурируемым бинарной (слабые/сверхслабые) или трихотомической (сильные/слабые/сверхслабые) оппозициями по степени напряженности, добавлен подтип, организуемый тетрархической оппозицией сверхсильных/сильных/слабых/сверхслабых единиц.

Как уже отмечалось выше, на материале шорского языка тройное противопоставление согласных по эйективности/статичности/инъективности, коррелирующее со степенью напряженности артикуляций, выявлено как для шумного, так и для малошумного консонантизма⁶.

Результаты изучения языка барабинских татар также послужили основанием для констатации в каждой из подгрупп класса шумных переднеязычных согласных тройной оппозиции фонем: [t]₁ — [t]₂ — [d], [s]₁ — [s]₂ — [z], [ʃ]₁ — [ʃ]₂ — [ʒ]⁷. Однако в ходе дальнейших исследований в результате обобщения основных показателей системы, учета динамики её модернизации и абстрагирования от периферийных фактов

современного барабинско-татарского языка автор сделал вывод о трихотомическом, а не тетрархическом принципе построения консонантизма: шумные фарингализованные напряженные/шумные нефарингализованные ненапряженные/малошумные нефарингализованные слабонапряженные⁸.

Приведенные данные позволяют утверждать, что современные тюркские языки и диалекты Южной Сибири сохранили отчетливые рефлексы более древней пратюркской системы с тройной оппозицией в классе шумных согласных⁹, получившей различную трансформацию в процессе исторического контактирования этносов, имеющих различные артикуляторно-акустические базы.

Функционирование в тюркских алтае-саянских языках консонантных систем, структурируемых оппозицией по длительности, сложившейся вследствие преломления субстратным угро-самодийским населением артикуляционно-акустической базы тюркского суперстрата, указывает на наличие в алтае-саянских этнических образованиях древнетюркских компонентов со свойственной их артикуляционно-акустическим базам тройной оппозицией сильных/слабых/сверхслабых консонантов. В диалектах алтайского языка и в сагайско-хакасском оппозиция по напряженности трансформировалась в оппозицию по длительности. Тувинский и тофский консонантизм сохранил в различной степени особенности пратюркской системы. В шорском языке напряженность является характеристикой, сопутствующей конститутивно-дифференциальному признаку глоттализированности/неглоттализированности согласных, который может быть наследием кетского субстрата или палеосибирского состояния. В барабинско-татарском языке степень напряженности коррелирует с релевантным для консонантизма наличием/отсутствием фарингализации. В результате преобразования пратюркской системы согласных в языке современных калмаков оппозиция по напряженности сохранилась лишь для пары гуттуральных фонем.

Вместе с тем типичное для кыпчакско-тюркских языков позиционное удлинение широких гласных перед узкими, свойственное сибирскому региону, преобладание в вокалических системах центральнозаднерядных настроек, формирование класса дифтонгов в туба-диалекте алтайского языка и в языке барабинских татар, некоторые процессы, происходящие в системе согласных, в частности переход увулярного щелевого *f* в губно-губной круглощелевой *w* (*maf* — *taw* — *tau* ‘гора’, *agys* — *awys* — *oos* ‘рот’), свидетельствуют об участии в этногенезе — наряду с угро-самодийскими и древнетюркскими — кыпчакско-тюркских компонентов, указывая на сложное смешанное происхождение алтае-саянских народностей.

Северные и южные диалекты Алтая различаются в основном субстантными характеристиками реализаций вокальных и консонантных единиц; в организации фонологических систем этих групп диалектов больше сходств, нежели различий.

Фонические отличия северных и южных диалектов Алтая, а также других языков и диалектов Южной Сибири обусловлены, прежде всего, разнокомпонентностью общего субстрата угро-самодийского типа, представленного различными этническими группами — носителями близкородственных языков и диалектов, отличающихся своими артикуляционно-акустическими базами.

Вместе с тем общие признаки в структурно-таксономической организации вокальной и консонантной фонологических систем северо-алтайских диалектов, хакасского и, отчасти, шорского языков, с одной стороны, и алтайского литературного языка и южных диалектов Алтая, с другой, указывают на наличие в генезисе носителей этих диалектов общих суперстратов, причем итоги трансформации консонантных систем свидетельствуют об уйгуро-огузском тюркском влиянии, процессы же, происходящие в вокалических системах, указывают на кыпчакско-тюркское воздействие.

Особенности артикуляторно-акусти-

ческих баз алтае-саянских тюркоязычных этнических групп в области вокализма, выявленные в результате экспериментально-фонетических исследований, демонстрируют существенный сдвиг исследуемых систем относительно тюркского вокализма уйгуро-огузского типа, четко структурируемого в соответствии с основной его функцией обслуживания потребностей сингармонизма по ряду (передний — задний), подъему (узкий — широкий), огублению (неогубленный — огубленный).

На первом этапе тюркизации субстратного населения угро-самодийского типа бинарные оппозиции языка-донора по ряду и подъему трансформировались в фонетической системе языка-реципиента в нечетко выраженную триаду оппозиций: передний — центральный — центральнозадний, узкий — полуширокий — широкий.

Перестройка систем гласных, различные этапы которой зафиксированы на современном синхронном срезе тюркских языков Южной Сибири, обусловлена конфликтом между артикуляционно-акустической базой языка-субстрата угро-самодийского типа и навязанной языку системой функций, выполняемых вокализмом в языке-суперстрате. Попытка языка-основы приспособить вокализм к чуждой для него сингармонической системе детерминировала тенденцию к нивелировке релевантных признаков фонем, к так называемому «нарушению» палатальной (прежде всего мягкорядной) гармонии гласных¹⁰, к появлению третьего сингармонического ряда — нейтрального, к многочисленным «нарушениям» лабиальной гармонии гласных.

Последовавшая затем кыпчакизация языков Южной Сибири привела к дальнейшей модернизации фонетической системы. Под воздействием кыпчакского суперстрата с его развитой подсистемой центральнозаднерядных гласных, соответствующих уйгуро-огузским переднерядным, получили развитие некоторые субстратные закономерности комбинаторики, в соответствии с которыми переднеязычные согласные в препозиции

к переднерядным узким неогубленным гласным фонемам выбирали оттенки, отодвинутые назад и расширенные по сравнению с гласными того же переднего ряда (i, e), но реализующимися в постпозиции к переднеязычным согласным (к губным, среднеязычным, заднеязычным)¹¹.

Развитая подсистема кыпчакских центральнорядных гласных в функции мягкорядных стимулировала в позиции после переднеязычных согласных сдвиг отодвинутых назад оттенков переднерядных фонем [i] и [e] в центральный артикуляторный ряд, представленный в языке-субстрате лишь огубленными гласными фонемами [U] и [O].

Рассматриваемые особенности аккомодации гласных и согласных получили тотальное развитие во всем ареале южносибирских тюркских языков, охватив не только неогубленный, но и огубленный мягкорядный вокализм и обусловив два ряда корреляций в пределах мягкорядных словоформ: среднеязычный консонант + переднерядный гласный, переднеязычный консонант + переднерядный гласный (то есть гласный центрального, центральнозаднего выдвинутого, смешанного артикуляторных рядов). Переднеязычные согласные не могут быть в препозиции к гласным переднего ряда, а среднеязычные, а также передне-среднеязычные или среднемежурядные согласные, напротив, могут иметь в постпозиции только гласные переднего артикуляционного ряда. Выбор аллофона гласного обусловлен препозитивным согласным, например, в различных говорах языка кумандинцев лексема 'корова' употребляется в двух вариантах: нек «пек» и инек «ипэк».

Четкие рефлексии данной фонотактической закономерности фиксируются во всех современных саяно-алтайских тюркских языках (алтайском, шорском, тувинском, калмакском). Исключение составляет хакасский язык, в котором функционирование мягкорядного гласного — переднерядного или центральнорядного — не зависит от фонетического контекста.

В тюркологии принято считать, что принципы реализации губной гармонии гласных во многом определяют специфику фонетических систем языков, а палатальная гармония проводится относительно последовательно и стабильно.

В современном хакасском языке губная гармония гласных распадается (или не успела сформироваться). Но, кроме этого, многочисленные так называемые «нарушения» отмечаются в нёбной гармонии гласных, причем перелом палатальной оси словоформы не обусловлен наличием палатальных или сильно палатализованных согласных типа j, ʃ, ʒ, например: *пахлирҕа* «рахl'irgʒx» 'смотреть', *сарнирҕа* «сарn'irgʒ» 'петь' и т.д. В хакасском языке, не имеющем среднеязычных согласных, отмеченной выше корреляции нет. Любой согласный может сочетаться с постпозитивным мягкорядным гласным любого качества, при этом согласные будут различаться лишь степенью палатализации, например: тип «tip» 'гни', но *тик* «tgk» 'шей', *тиинге* «t'ɪ: n'g'e» 'белке (дат.п.)', *түлгү* «t'ül'g'ü» 'лиса', *килким* «k'il'k'gm» 'большой' и т.д.¹² Но в этом случае встает вопрос о фонематическом статусе двух рядов функционально мягкорядных гласных; пока в хакасоведении трактуются как разные фонемы только [и] и [i].

Рассматриваемые в данной статье преобразования вокальных систем привели к тому, что в современных тюркских языках и диалектах Южной Сибири констатируется тенденция к деполяризации характеристик гласных по ряду, передвижение вокальных настроек к центру резонаторной полости, низкая продуктивность переднерядных и заднерядных гласных при высокой частотности центральнозадних настроек.

В специфике кыпчакских центральнорядных артикуляций, свойственных также и угро-самодийским языкам, кроются, возможно, истоки «перебоя», «перелома» гласных, характерного для ряда южно-сибирских тюркских языков¹³. Рассматриваемое явление заключается в переходе широких древне-

тюркских гласных в узкие (*ä > i, *ö > γ, *o > y) и в расширении узких до полушироких (*i > e, *γ > o, *y > o); при этом в сибирских тюркских языках изменение подъема сопровождается изменением артикуляторной рядности¹⁴. Не случайно “перелом” гласных фиксируется в тех тюркских языках (татарский¹⁵, башкирский¹⁶, барабинско-татарский¹⁷, языки алтае-саянского региона — хакасский¹⁸, шорский¹⁹,

северные диалекты Алтая)²⁰, в антропогенезе носителей которых обнаруживается финно-угорский субстрат либо тесное разновременное и разнохарактерное контактирование с племенами этого типа.

Неоднородность фонетического ландшафта является отражением разновременных и разнохарактерных взаимодействий этносов и их языков на территории Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. — Новосибирск, 1981. — С. 11–37; Он же. К типологии артикуляционно-акустических баз // Фонетические структуры в сибирских языках. — Новосибирск, 1986. — С. 3–15.
- Селютина И. Я. Консонантные системы в языках народов Сибири: к проблеме типологии. — Новосибирск, 2009.
- Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение ... — 1981. — С. 15.
- Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири. — Новосибирск, 2005. — С. 3.
- Монгуш С. В. Шумные смычные согласные фонемы сут-хольского говора тувинского языка // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. — Новосибирск, 2001. — С. 145–149.
- Уртегешев Н. С. Шумные губные согласные шорского языка (на материале мрасского диалекта) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. — Новосибирск, 2001. — С. 62–97; Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). — Новосибирск, 2002; Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). — Новосибирск, 2004.
- Рыжикова Т. Р. Инвентарь переднеязычных согласных фонем в языке барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Вып. 9. Фонологические системы. — Новосибирск, 2001. — С. 120.
- Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Новосибирск, 2003; Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар: сопоставительно-типологический аспект. — Новосибирск, 2005.
- Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. Автореф. дис. ... д. филол. н. — Якутск, 2000. — С. 6.
- Selyutina I. Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // Turcologica 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. — Wiesbaden, 2000. — P. 27–32.
- Куркина Г. Г. Вокализм хантыйского языка (экспериментальное исследование). — Новосибирск, 2000. — С. 18–22.
- Субракова В. В. Консонантизм нижне-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. — Новосибирск, 2005.
- Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка (экспериментально-фонетическое исследование). — Алма-Ата, 1990; Она же. Состав и системы гласных фонем сагайского и качинского диалектов хакасского языка. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 2001; Селютина И. Я. Кумандинский вокализм. Экспериментально-фонетическое исследование. — Новосибирск, 1998.
- Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем ... — 2001. — С. 107–108.
- Богородицкий В. А. О корневом вокализме и его изменениях в казанско-татарском диалекте // Вестник научного общества татароведения. — Казань, 1928. № 8. — С. 113; Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. — М., 1979.
- Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. — М.-Л., 1948. — С. 7; Киекбаев Д. Г. О передвижении гласных в башкирском языке // Ученые записки Башкирского государственного педагогического института. VIII. Серия филологическая 2. — Уфа, 1956. — С. 221–229; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Фонетика. — М., 1984.
- Тумашева Д. Г. Перебой гласных и формирование вокализма кыпчакских языков // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: реконструкция на отдельных уровнях языковой структуры. — М., 1989. — С. 5–18.
- Исхаков Ф. Г. Хакасский язык. Краткий очерк по фонетике. — Абакан, 1956. — С. 15; Кыштымова Г. В. Состав и системы гласных фонем ... — 2001.
- Чиспияков Э. Ф., Бабушкин Г. Ф. Диалекты шорского языка // Язык, история, культура тюрков Южной Сибири. — Кемерово, 2004. — С. 115–146.
- Селютина И. Я. Кумандинский вокализм ... — 1998.

СИСТЕМА ЗНАЧЕНИЙ АЛТАЙСКОГО МНОГОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА СОК= 'БИТЬ, УДАРЯТЬ' И УСЛОВИЯ ИХ КОНТЕКСТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

Саналова Б. Б.

УДК 81'44

Семантическая структура глагола сок= 'бить, ударять' очень емкая. Она представлена 16 лексическими значениями. Разные значения многозначного глагола сок= выводятся из его лексического окружения, его сочетания с другими словами. Сочетаемость с разными словами выступает как условие реализации того или иного значения.

Ключевые слова: глагол, лексема, контекст, лексическое значение слова, семантическая структура слова, лексико-семантический вариант.

Значения многозначного слова соотносятся с одной и той же лексемой как единицей плана выражения, но каждое отдельное значение должно распознаваться с помощью средств плана выражения. Поэтому при изучении значений многозначного слова внимание уделяется его лексическому окружению, его сочетаемости с другими словами. Между значением слова и его сочетаемостью существует двусторонняя зависимость: семантика слова обуславливает его сочетаемостные потенции, а сочетаемость является формальным средством выражения и распознавания значения.

Фактором большой важности для определения структуры значения является контекст. В отношении многозначного слова контекст выступает как условие реализации того или иного значения многозначной лексемы. Каждый лексико-семантический вариант выступает в устойчивом типовом контексте: синтаксическом и лексическом. Различная типовая сочетаемость в пределах многозначной лексемы сигнализирует о разных значениях слова и, следовательно, может быть использована как подтверждающее статуса семемы.

Целью данной работы является анализ семантических вариантов многозначной глагольной лексемы сок= 'бить, ударять'. Наша задача — представить значения данного глагола как некоторую систему.

Этот глагол является базовой единицей ЛСГ глаголов удара в алтайском языке. Как любая базовая единица группы, сок=

характеризуется частотностью употребления и широкой сочетаемостью.

Мы попытаемся выявить все имеющиеся у него лексические значения.

I. Основное значение сок= — 'бить, ударять'. Ударяемые объекты могут выступать в винительном и дательном падежах.

Та ачынганынан, та өскө неменен улам Эркин, туруп келеле, столго эки-үч катап сокты (И) — 'То ли от обиды, то ли от чего-то другого, поднявшись, Эркин два-три раза ударил по столу'; *Кичинек тужымда кадулар кадап турган кижги болуп, јосторго маскала согуп ойноорын сүүр болгом (И)* — 'В детстве я любил играть в человека, вбивающего гвозди, ударяя молотком по плахам'. В приведенных примерах объект выступает в дательном падеже.

На базе основного значения сложились устойчивые словосочетания с несколько ограниченным значением. Нами выделено три устойчивых сочетания, в которых глагол сок= формирует специализированные узкие значения. Эти сочетания: *темир сок=* — не просто ударять по железу, а именно в значении (ЛСВ₂) 'ковать'; *кеден сок=* — не просто ударять по ковру, а именно (ЛСВ₃) 'ткать'; *чарак сок=* (ЛСВ₄) 'ударять с целью отделения шелухи от жареного зерна' (*чарак* 'жареное зерно') — это второй этап изготовления алтайского национального блюда талкан.

Примеры: *Эмеген кызына койдын тјугинең кеден согуп берди (И)* — 'Бабушка соткала внучке из овечьей шерсти коврик'; *Јетире куурылбаган чарактарды согорго*